

МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

О последнем романе Салмана Рушди «Последний вздох Мавра»

Елена Калининкова

Проза

«Р»ЕБЕНОК — отец человека — гласит английская пословица, что «в переводе» Козьмы Пруткова звучит примерно так: «Чем людей в детстве начинают, то и носят в себе». О «начинке» известного писателя индийского происхождения Салмана Рушди родители позаботились заблаговременно. Его детство и школьные годы прошли в Бомбее. Родители — индийские мусульмане, кашмирцы. Дед по линии отца жизнь прожил в Кашмире, считался хорошим поэтом, писал стихи на языке урду. Родители Салмана любили индийскую, арабскую, персидскую и западную литературу, создали хорошую библиотечку, так что сын их вырос в доме, где царил культ книг. Высшее образование он получил на Западе: окончил Лондонский колледж и Кембриджский университет. Родной язык Салмана — урду, но пишет он на английском языке, и его остроумные книги, порой напоминающие Рабле или Свифта («Гримус», «Дети полуночи», «Стыд», «Сатанинские стихи», «Гарун и море сказаний» и др.), вобрали в себя духовный опыт и Востока, и Запада.

«Независимая газета» уже публиковала (02.02.94 г.) статью о Салмане Рушди «Из подполья», в которой говорилось о том, как писатель работает даже в условиях нелегального существования. И вот перед нами опять «записки из подполья» — новый роман Салмана Рушди «Последний вздох Мавра».

Композиционно текст состоит из четырех глав: «Разделенный дом», «Малабарская пряность», «Центральный Бомбей» и «Последний вздох Мавра».

Новый роман Рушди, шестой по счету — это эксцентричная сага о четырех поколениях рода, берущего начало от Васко да Гама и заканчивающегося Мораэсом Зогойби-да Гама, прозванным Мавром. Именно он ведет повествование от первого лица и в какой-то мере его, пожалуй, можно рассматривать как «alter ego» самого писателя.

Начинается роман с побега Мавра из тюрьмы крепости Васко Мирранды в Андалусии, в горной деревушке Бининджели. Он бежит под покровом ночи от кошмара физических и духовных страданий, от смерти. Единственным отрадным итогом его длительного заключения явилось написание мемуаров. Мавр воскресил в рукописи историю жизни своих предков.

Один из потомков Васко да Гама, известного мореплавателя, проложившего еще в конце XV века путь из Европы в Индию, португалец Франциско да Гама основал в индийской провинции Кочин на Малабарском побережье компанию, торгующую восточными пряностями. Он женился на индианке Епифании, в генеалогическом древе которой сошлись христианская и иудейская ветви. У Франциско выросли сыновья, придерживающиеся разной политической ориентации: старший сын — Камознс да Гама, «пофлиртовав с марксизмом», понял, что «коммунизм — это не индийский стиль», и предпочел стать «Congresswallah» — сторонником Нацконгресса, «человеком Неру», вместе с которым выступал за национальное освобождение Индии; а младший сын — Айрес да Гама, наоборот, поддерживал англичан и тем самым способствовал продлению колониального режима в стране. Но наиболее важную роль в романе играют внука Франциско, дочь Камознса — Аврора, вышедшая замуж за Абрахама Зогойби, члена древнееврейской общины в Кончине, и рожденный в этом браке сын Мораэс. В книге много персонажей, поэтому на одной из первых страниц дан чертеж генеалогического древа рода да Гама, чтобы читателю было легче ориентироваться в родственных связях действующих лиц. Такие схемы встречались и раньше: у Рушди, например, в романе «Стыд»

История английского писателя Салмана Рушди, некогда приговоренного к смерти аятоллой Хомейни, продолжает тревожить умы европейцев. А сам автор «Сатанинских стихов» представляет новую книгу в Италии и Германии (о чем широко известно заранее), то летает через границы тайком и заявляет на пресс-конференциях, что у него нет оснований не верить в серьезность намерений Тегерана. 13 ноября в Копенгагене Рушди была вручена премия Европейского союза в области литературы. Маршруты перемещений лауреата по городу держались в строгой тайне. Вокруг музея современного искусства «Аркен», где состоялось вручение награды, несли дежурство специальные подразделения полиции. Первоначально вручение премии даже было отменено, поскольку датские власти не были уверены в своей способности обеспечить безопасность писателя, что породило небольшой парламентский кризис. Сделавшись фигурой не столько литературной, сколько политической, Рушди, тем не менее, продолжает писать.

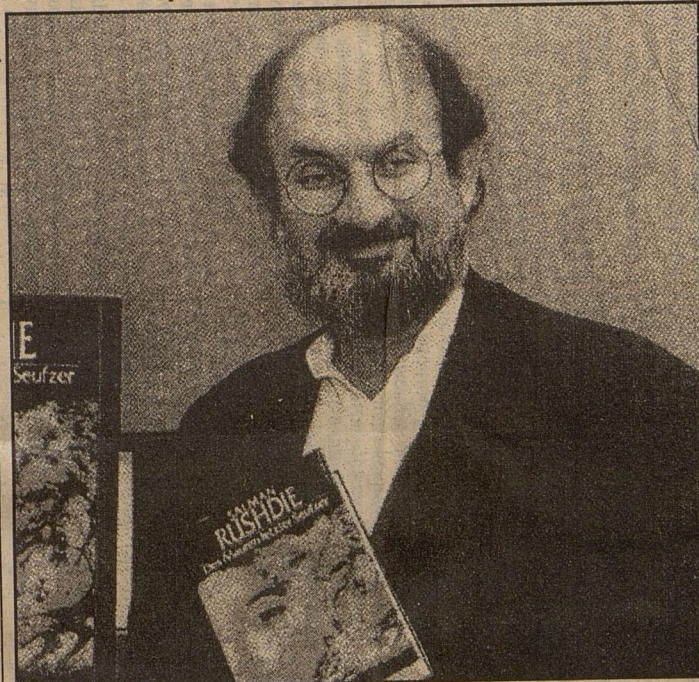
или у Викрама Сетха — «Подходящий парень».

15-летняя Аврора — умная, красивая, одаренная талантом художницы — вышла замуж за коммерсанта Абрахама, который был на 20 лет старше ее. После второй мировой войны супруги приехали в Бомбей, расширили семейный бизнес и укрепили банковское дело многомиллионным капиталом. Причиной обогащения явилась острая пряность, «от которой все горело во рту». Что касается детей рода Зогойби-да Гама, то «в их венах текла не кровь, а красный

Мораэса арестовали... по подозрению в контрабанде наркотиков.

Как правило, романы Салмана Рушди многосюжетны и разноплановы. Вот и в последнем его произведении помимо мелодраматической линии есть еще и свой политический сюжет.

Годы жизни Мораэса совпали с гражданскими волнениями, политическими репрессиями и ростом движения индусского фундаментализма, руководителем которого в романе выведен Мейдендак. Это политический босс Бомбея, правофланговый националист, при-

Салман Рушди с новым романом.

чили, поэтому Мораэс посвятил жизнь торговле специями и способствовал расцвету династии Зогойби-да Гама в бизнесе. Тема пряностей не раз затрагивалась в произведениях Рушди: вероятно, сам писатель неравнодушен к приправам. Еще в романе «Дети полуночи» он уделял много внимания вкусовым ощущениям.

Мораэс вырос и влюбился в Уму Сарасвати, набожную индуску из брахманской семьи. Аврора с первого взгляда возненавидела Уму: не та религия, не тот облик, не то образование. Острая на язык, она постоянно в нее «метала дробочки», а еще чаще мать «выпускала жало змеи» в разговоре с сыном: «Она (Ума. — Е.К.) подобна ящерице-крокопийце, которая любит твою кровь, а не тебя. Она высосет тебя, как манго, а косточку выростит». «Америка» и «Москва», — кто-то назвал их: Аврору — мою мать — и Уму — мою возлюбленную, дав им прозвища великих держав, — читаем мы в исповеди Мораэса. — Люди говорили, что они похожи, но я этого никогда не видел». Герою романа предстоял выбор: Ума или мать, и он предпочел возлюбленную. В отместку мать лишила сына наследства.

Разоренный Мораэс вернулся к Уме, которая посчитала себя повинной в случившемся. «Помолившись перед зажженной лампадой богу Раме, глядя на меня воспаленными глазами, — вспоминает герой, — она предложила нам вместе «отравиться». Чем не Шекспир? «Джульетта» приняла таблетки и умерла, а вот «Ромео» услышал стук в дверь, открыл ее — а там полиция, которая помешала совершению второго самоубийства.

зывающий поджигать мечети и ломать ноги стачечникам. Консерватор по убеждениям, он выступал за восстановление обычая «сати» и подстрекал вдов входить на погребальный костер мужа. Мейдендак враждебно относился к мусульманским, иудейским и христианским меньшинствам, к которым принадлежали выходцы из рода Зогойби-да Гама.

Жизненные дороги Мораэса и Мейдендака пересеклись, и по воле судьбы герой романа оказался в подчинении индуистского интригана, который протестовал против деятельности мусульманских партий, объединенных в союз Абрахамом Зогойби, ратующим за секуляризм. Мораэс метался между двух огней: отцом и хозяином, страдал от раздвоения личности. Шесть лет он работал на Мейдендака, и теперь шантажисты ему говорили: «Ты никогда не был одним из нас, богатенький мальчик. Ты ни индус, ни маратх. Просто стряпчий с благородной кровью и кулаком... Ты здесь больше не нужен». Назревающий конфликт разразился, и Мораэс с облегчением расторг служебный договор.

К 1991 году Мейдендак возглавил местное националистическое движение «Бомбей для маратхов». На этой политической платформе он возвысился и пришел к власти.

Новый роман Салмана Рушди основан на реальных бомбейских событиях и потому попал в Индию в немилость. Прототипом мейдендака стал лидер индийской экстремистской организации «Шив Сена» Бала Теккерей. До выхода этой книги он защищал «Сатанинские стихи» от нападок мусульман, а сейчас добился запрещения «По-

следнего вздоха Мавра» в штате Махараштра.

Однако произведение Рушди далеко не всегда обладает «реалистическими» свойствами. Рушди — сюрреалист, фантазер, мечтатель, и в его творчестве есть мистические и магические элементы. На страницах своего романа Рушди расселил фантомы, духов, привидений, которые витают в облаках, шныряют в закоулках замка или «на ветвях сидят», подобно пушкинским русалкам.

А как объяснить физические «странности» Мораэса? Его правая рука оканчивалась не пальцами, а молотком с расщепом, как клешня. Мораэс пользуется клешней как средством защиты. Молоток символизирует, видно, не что иное, как оружие самообороны писателя в экстремальной ситуации, в которой он оказался. Вторая особенность героя состоит в том, что он имеет «два возраста». Рожденный через четыре с половиной месяца после зачатия, он закричал еще в утробе матери и с тех пор стал взрослеть и стареть в два раза быстрее простого смертного. У Мораэса свой особенный календарь! В этом тоже наметки на обстоятельство жизни самого Рушди. Время, проведенное в вынужденном затворничестве, «пошло улиткой», казалось вечностью, и потому Мораэс, как на фронте, год мук считал за два. «Когда мне исполнилось 30, телу моему стало 60», — читаем мы в исповеди.

В романе Рушди, как в картинах Дали, многое неожиданно, неясно, непредсказуемо, но... интересно, хотя и не всегда объяснимо.

Излюбленная тема в творчестве Рушди — тема изгнания, будто писатель давно уже предчувствовал перемены в своей жизни.

В романе «Стыд» две женщины, прототипами которых являются жека Зульф리카ра Бхутто и дочь Бензир, высланы из столицы. А в нашумевших «Сатанинских стихах» сам аятолла Хомейни представлен в образе Имама преклонных лет, который в стране «Exile» («Изгнание») провел 25 лет в эмиграции. Не избежал участи предыдущих протагонистов и Мораэс. «Сила вещей» заставила его уехать в Андалусию, где он «задержался» на много лет.

Почему роман называется «Последний вздох Мавра»? Существует два ответа. Прощальная картина Авроры, которую нашли на мольберте после ее смерти, называлась «Последний вздох Мавра». И второй ответ: когда Мораэс-Мавр бежит из тюрьмы, находящейся в горах Андалусии, пробирается сквозь заросли кустарника, спотыкается о кочки, а ему, согласно удвоенному ритму жизни, уже 70 лет, он устает, задыхается, кашляет: неизвестно, доберется ли Мавр до Малабара или «последний вздох» его останется в горах Сьерры Невады.

Для Салмана Рушди язык — оружие искусства, которым он владеет в совершенстве. Он не просто обладает чувством слова, а занимается лексической эквилибристикой, и рождаются россыпи шуток, насмешек, шаржей. Каламбуры — отличительное свойство его стиля. Один из критиков, отзываясь о прозе Рушди, задал восхищенный вопрос: «Сколько ангелов может танцевать на голове каламбура?»

Книги Рушди — символический мост, соединяющий культуры Востока и Запада, а также Индии и Испании, о чем, в частности, красноречиво говорят несколько строк из романа: «Альгамбра — красный форт Европы — сестра Тадж-Махала в Агре и Красного форта в Дели — дворец закрытых форм и таинственной мудрости, садов наслаждений и водных бассейнов».

Роман «Последний вздох Мавра» выдвигался в конце 1995 г. на Букеровскую премию в Лондоне, но, учитывая, что Рушди уже является лауреатом этой награды за роман «Дети полуночи» (1981 г.), Литературная комиссия предпочла отдать приз английской писательнице Бэт Паркер за роман «Дорога Духов». Но в качестве компенсации Рушди был объявлен писателем 1995 года.